

ЯКОВ ГРИШИН, ЕЛЕНА МИКАШКИНА (Казань)

„КАЗАНСКИЙ ЗАГОВОР”
(По документам архива Республики Татарстан)

Оживление польского национально-освободительного движения в конце 50-х – начале 60-х годов 19 в. было связано с революционным подъемом в России в результате отмены крепостного права. Стремясь предотвратить восстание, царские власти усилили репрессии, пытались одновременно создать видимость „восстановления” автономии Королевства Польского. Было объявлено о восстановлении Государственного совета, городских и повятовых (уездных) рад, Варшавского университета (Главной школы). В мае 1862 г. начальником гражданского управления был назначен представитель польской аристократии Велепольский. Но в конце января 1863 г. восстание началось. Поводом для него послужило проведение рекрутского набора по заранее составленным спискам лиц, заподозренных в неблагонадежности¹.

1. Поволжье, как очаг будущего восстания

В историю польского восстания 1863 г. вписана история „Казанского заговора”. Не обращаясь к вопросу о том, кто был инициатором готовившегося восстания в Поволжье (Временное народное правительство революционной Польши, общество „Земля и воля” или Иероним Кеневич), рассмотренному ранее, перейдем к конкретному изучению проблемы.

Идеей или целью, лежавшей в основе заговора, была подготовка и проведение восстания в Поволжье, распространение его на Урал и Лон, а затем соединение с повстанцами на Западе. Это была попытка помочь восставшим в Царстве Польском, попытка совместного действия русских и поляков в борьбе против царизма.

Для проведения восстания территория Поволжья может быть выбрана не случайно. Здесь имели место крупные крестьянские волнения (особенно, в селе Бездна), связанные с реформой 1861 г.

В Поволжье проживало много иностранцев и раскольников, которые являлись оппозиционной силой правительству.

Во многих городах Поволжья существовали революционные кружки. Польский патриотический кружок в Саратове образовался вокруг жены губернатора Барановского. В Нижнем Новгороде были военные (П. Адамович, Дельсаль, Никольский) близкие с О. С. Чернышевской. Значительная группа поляков из служащих и сосланных проживала в Перми: Корсунь, Бутевич, Довойно-Сильвестрович, Вроцкий и Путкевич, ксендз П. Сцегенный, у которого с начала восстания 1863 г. были все сведения о событиях в Королевстве Польском.

Со второй половины 50-х годов 19 в. активизируется разночинная молодежь Казанского университета. Начиная с 1857 г. происходят постоянные волнения студентов. Кроме того, студенты организуют воскресные школы, кассы взаимопомощи, читальни, для которых на паях выпивают газеты и журналы. В это же время в университете преподавали и демократически настроенные профессора (Шапов, Булич).

Эти обстоятельства дополнялись тем, что в Казани существовал местный комитет „Земли и воли” и имелась значительная польская колония.

Члены комитета совершали „апостольские”, агитационные поездки по деревням, читая там тексты Евангелия, где выражен протест.

Поляки (причем, часть из бывших ссыльных) находились в Казани на государственной службе. Это были чиновники, профессора, военные, а также студенты. В Казанском университете работал профессор М. Ковалевский, докторант Туранский, библиотекарь Е. Лешковский, профессора П. Вагнер, М. Шпаковский, Ю. Михлевич, Л. Сутковский, Угянский, А. Жебровский, Ф. Левандовский. Из обслуживающего персонала университета известны Дубе, Пашковский, Малиновский, Жалковский. Преподавали поляки и в гимназии: А. Беседовский, И. Имшенич, А. Шмидт, И. Галимский. В Казани проживал ветеринарный врач Шостакович и семья медика Гросса.

Гросс был домашним врачом Начальника Казанского Гарнизона Скалона, жена у которого была полячкой и католичкой. Многие поляки группировались вокруг уже немолодого Гросса, высланного из Литвы в 1846 г. за участие в революционном движении. В конце сентября 1862 г. Наместник Царства Польского (им был брат царя Константин) прислал в 3 отделение несколько писем, направленных в Варшаву молодыми людьми, которые служили в войсках Сибирского корпуса. Эти письма имели предосудительное содержание. Наместник выяснил, что посредником между политическими преступниками в империи и жителями Царства Польского служил профессор Казанского университета Гросс, через которого посылались простые письма и денежные к ссыльным по этапам. Письма адресовались к Гроссу по указанию студента Московского университета Ивана Верцинского².

Казанский Военный губернатор, проведя расследование, сообщил Ми-

нистру внутренних дел в декабре 1862 г., что вольно-практикующий врач Гросс, действительно, получил пять писем из Царства Польского через аптекаря, адресованные возвращавшимся из военной службы в Варшаве Ланге, Сольденгофу, Яниковскому, Скотницкому и еще одному офицеру, фамилия которого забыта. Яниковский и Скотницкий получили письма с деньгами (15 руб. и 10 руб. соответственно). Гросс передал письма старшему адъютанту дежурства 4-го округа Внутренней стражи поручику Домбровскому. Поручик вскрыл их, так как не было командира батальона, и, не найдя ничего предосудительного, поскольку письма были от матерей и сестер, отдал их лично тем, кому они были адресованы. Далее губернатор уведомлял, что доктор Гросс, человек уже старый и благонамеренный, сознавая неудобство передачи подобных писем и денег политическим преступникам, сразу же отказался и писем более для передачи ни от кого не получал³.

У Скалонов, кроме Гросса, бывали ксендз Галимский и штабс-капитан Наполеон Иваницкий, собиравшийся жениться на сестре невестки Скалонов – Софье Тюфяевой. Родная сестра жены Скалона, Миттерман, была под наблюдением полиции за сочувствие ко всему происходящему в Польше.

Т. Ф. Федосова в своей книге „Польские революционные организации в Москве” пишет, что эта группа пыталась в 1861 г. во время службы Галимского в костеле пропеть польский патриотический гимн „*Boże, coś Polskę*”⁴. В ЦГА РФ есть рапорт Казанского полицмейстера от 5 февраля 1863 г., в котором он докладывает Военному губернатору о том, что слухи о богослужении в католической церкви 2 февраля 1863 г. с молитвою об успешном действии польских мятежников не верны и вымышленны. Для дальнейшего расследования было приказано частному приставу Бучинскому, знающему польский язык, бывать при всех богослужениях в католической церкви⁵.

Что же касается пятидесяти восьмилетнего⁶ иеромонаха Галимского, бывшего куратором Казанской римско-католической церкви и капелланом 4-го округа Внутренней стражи⁷, то он был арестован в августе 1863 г. в г. Карсунь Симбирской губернии⁸ (ежегодно Галимский отправлялся в губернские и уездные города пяти губерний, которые составляли 4-й округ Внутренней стражи, для исполнения духовных треб воинским чинам и другим лицам католического исповедания)⁹. Из Карсуни Галимский был препровожден в Симбирск, а оттуда в Казань. Он обвинялся в приобретении у офицеров 4-го резервного батальона: Рязанского пехотного полка поручика Усциновича и Лейб-пехотного Бородинского Его Величества полка подпоручика Рашевского капсюлей¹⁰.

18 марта 1864 г. Казанская палата уголовного суда слушала дело Галимского. Ему были предъявлены обвинения по поводу того, что он в мае

1863 г. передал капитану парохода общества „Самолет” два тюка для оставления их в конторе указанного общества до востребования им самим. Управление общества, в виду подозрительности тюков (имели большой вес при малом объеме), препроводило их к Казанскому полицмейстеру. Начальник губернии, видя, что Галимский не прибыл в срок, приказал вскрыть тюки. В одном тюке оказалось 10 тысяч новых капсюлей, в другом 30 тысяч перемешанных с битыми¹¹. Галимский утверждал, что приобрел капсюли с целью отлития третьего колокола для церкви, так как по закону католической церкви должно быть при костеле три колокола. Костел был открыт в 1858 г. В 1860 г. появились два колокола¹². Нужен был третий. А стоимость колокола как минимум 300 руб. Сумма для церкви значительная. Пожертвования же прихожан употреблялись на освещение, ризницу, починку церкви, содержание прислуги¹³. Галимский узнал, объезжая войска, что из капсюлей делают кастрюли, котлы и решил собирать их для отливки колокола¹⁴.

Из канцелярии Начальника Казанской губернии в марте 1864 г. поступили сведения, что Галимский, действительно, заботился об отливке колокола, к чему, по ограниченному числу прихожан в Казани, письменно приглашал лиц римско-католического исповедания из других губерний¹⁵.

В результате следствия у Галимского было отобрано всего 90,869 штук капсюлей (26,500 дал Рашевский; 58,869 – Усцинович и 5,500 было найдено у Галимского дома в Казани)¹⁶.

Временный генерал-губернатор Казанской, Пермской и Вятской губерний генерал-адъютант Тимашев решил, что дело Галимского необходимо обсуждать с двух сторон: политической и общей легальной. В первом случае, за необнаружением юридических доказательств к обвинению Галимского в приобретении капсюлей с преступной целью, вопрос этот должен быть решен в административном порядке. Во втором случае, где Галимский обвиняется в принятии от офицеров капсюлей, как имущества, принадлежащего казне, в уголовном порядке¹⁷.

По мнению Казанской палаты уголовного суда, виновность Галимского не была доказана¹⁸, вопреки мнению Казанской Главной следственной комиссии по политическим преступлениям, учрежденной 25 мая 1863 г. Член этой комиссии полковник особых поручений Яков Слуцкий писал в своем рапорте Военному Министру Милотину: „Комиссия, получив твердое нравственное убеждение, что приобретение капсюлей Галимским было делается не для отливки колокола, а с преступной целью, изыскивает все возможные средства к обнаружению юридических доказательств в виновности Галимского или сколь возможно большего числа достоверных улик...”¹⁹.

Хотя виновность Галимского была не доказана, он остался в сильном подозрении²⁰. Генерал-губернатор заметил, что Галимский усиленно ста-

рался казаться верным своему долгу (в 1847 г. его даже наградили наперстным крестом за усердную службу), но все же он не был чужд сочувствия к политическим событиям в Польше²¹.

Министр внутренних дел, в виду неблагонадежности Галимского в политическом отношении, распорядился выслать его в г. Холмогоры²² Архангельской губернии под надзор полиции²³.

Церковная утварь и все прочее, принадлежащее римско-католической церкви в Казани, была сдана 13 августа 1864 г. в штаб 4-го округа отдельного коркуса Внутренней стражи²⁴. А Галимский в сопровождении жандарма Стародубцева был отправлен в г. Архангельск 14 августа в час ночи²⁵. На место назначения он прибыл 27 августа того же года²⁶.

14 ноября 1864 г. Управление Могилевской римско-католической архиепархии сообщило Начальнику Казанской губернии о том, что на место Галимского переводится из Красноярска курат Иоанн Пукен²⁷.

Через три дня Начальник Казанской губернии вновь получил сообщение, но только уже от Министра внутренних дел. Дело в том, что у Галимского в Архангельске были обнаружены значительные капиталы (банковских 5% билетов на сумму до 24 тысяч руб., 16 акций пароходного общества „Кавказ и Меркурий“ на 2240 руб. наличными деньгами, в кредитных билетах и 600 руб. серебром, заемных расписок на сумму 1500 руб.). Министр просил выяснить каким способом были приобретены эти деньги²⁸.

16 апреля 1865 г. старший чиновник особых поручений Войденов подал рапорт Казанскому губернатору, согласно которому, причиной образования у Галимского значительных дежежных капиталов была его скупость, доходящая до громадных размеров, что доказывается свидетельствами опрошенных лиц, близко знакомых с бывшим куратом²⁹.

Как уже говорилось ранее, в число польских колонистов Казани входили и студенты. До 1861 г. в Казанский университет на учебу направлялись польские студенты-стипендиаты Министерства Просвещения. После студенческих беспорядков 1861 г., из Санкт-Петербурга в Казань было переведено 64 студента, из них 30 польков (правда, актов о их происхождении не имеется)³⁰.

Польские студенты в Казани часто собирались в доме Урбановича, также польского студента. Здесь же у них была своя библиотека.

После начала восстания в Польше, студенты-поляки стали группами выезжать на родину. В марте по прошению были уволены из университета и уехали Петр Немьиский, Чеслав Воеводский, Людвиг Хербутович, Иван Седмиградский, Юзеф Раксимович, Влодимеж Марковский. В период с марта по июнь месяц 1863 г. были исключены, как уехавшие: Казимеж Кухарский, Павел Ходыницкий, Игнацы Летовт, Цезары Гацкевич, Владислав Пеханович, Эдвард Эйсмонт, Густав Кунцевич, Эдвард Подскшинский, Роман Верцинский³¹.

Огромную роль в подготовке восстания сыграли революционно настроенные военные, служившие в Казанской губернии: Н. Иваницкий, А. Мрочек, Р. Станкевич, Миттерман.

Немаловажным моментом в выборе территории Поволжья как будущего очага восстания является близость Ижевского оружейного завода, который рассматривался заговорщиками как источник вооружения для восставших.

Кроме того, в Поволжье было развито пароходство, что значительно облегчало связь как внутри региона, так и с запредельными территориями.

На протяжении всего 19 в. Казань была местом, куда ссылали политически „неблагонадежных” поляков; она была местом, через которое гнали по этапам в Сибирь польских политических „преступников”.

Уже в 1832 г. в двух Казанских гарнизонных батальонах состояло на службе 120 поляков нижних чинов. Из них 80 человек были назначены прямо в батальоны, в каждый по сорок. И сорок человек, следующих в Сибирь, но оставшихся в Казани по болезни³².

В Казанскую губернию поступали также рекруты, бывшие жителями Царства Польского. Так, весной 1863 г. в Казань прибыла партия польских рекрутов численностью 300 человек. Партия находилась в городе три дня. Рекруты были помещены в здания упраздненного Правления Низового округа Корабельных лесов, что в Адмиралтейской слободе. При них находился особый караул. Из казармы рекрутам отлучаться было не дозволено и, к ним для свидания никого не допускали³³. Правда, произошел один интересный случай. 25 апреля 1863 г. Оренбургский помещик Николай Федорович Дмитриев во время пожара на Георгиевской улице, с разрешения начальника 4-й пехотной дивизии, пригласил к себе домой польских рекрутов из дворян: военно-пленных – Владислава Менчинского, Антона Лерчинского, Грациана Ратынского, Ксаверия Соболевского, Антона Треждинского, Станислава Резлер, Генриха Лямпе, Михаила Нецяке, Станислава Кмяжковского и конскрипта Станислава Гальковского. Дело в том, что рекруты были усталыми и изнуренными длительным переходом в жаркое время со всеми вещами на себе. Некоторые из них чуть не падали от изнеможения, а им еще предстояло идти в Адмиралтейскую слободу. Дмитриев угощал рекрутов „обедом и банею”³⁴.

В июне 1863 г. Лаишевский уездный исправник предупреждал Чистопольского земского исправника о том, что из Лаишева выступила партия польских рекрутов в Чистопольский уезд, где расквартирован их будущий батальон, и что, эта партия идет очень буйно и беспокойно. Чистопольский исправник послал благонадежного чиновника земского суда для сопровождения партии. В Чистополе рекруты были переданы коман-

диру 4-го резервного батальона Украинского пехотного полка полковнику Тиманову, который разместил их по ротам, в каждую по восемь человек, и отдал под присмотр русских солдат. За польскими рекрутами было установлено особое наблюдение. В случае беспорядков Чистопольский земский исправник обязывался тотчас же сообщить об этом Казанскому Военному Губернатору³⁵.

В ноябре 1863 г. некоторых из этих польских рекрутов пытались заставить дать присягу на верность службе. Первоначально 36 человек отказались присягнуть, но затем один из них все же изъявил желание принять присягу. Оставшихся 35 человек заключили в Чистопольский тюремный замок. Позже их отправили в Казань через посредство этапов, где они были преданы военному суду при Казанском батальоне Внутренней стражи³⁶.

Таким образом, достаточно большое количество поляков в Казанской губернии было хорошей основой для готовившегося восстания.

Еще в 1832 г. Казанский Военный губернатор Стрекалов обращался к Управляющему Главным штабом графу Чернышову с просьбой не назначать поляков в Казань, а лучше отправлять их в Оренбургский и Сибирский отдельные корпуса. Свою просьбу Стрекалов мотивировал тем, что поляки уже замешляли побег и вряд ли в будущем будут вести себя спокойно. Для надзора за ними необходимы силы, а Казанский Военный губернатор испытывал затруднение в войсках. Немаловажными, по мнению губернатора, было и то, что Казань является многонациональным и многолюдным городом. Поэтому нужна осторожность во всех отношениях³⁷.

2. Польские участники „Казанского заговора”

*...младшие наши братья! Молодежь Польская!
...Сбываются над нами слова Апокалипсиса...*

(Из письма студента ВМХА А. Вейшторда)

Восстание в Поволжье заговорщики планировали поднять весной-летом 1863 г. Активную помощь им оказали члены московской организации „Земли и воли” во главе с Юрием Мосоловым и Николаем Шатиловым, которые были родом из Казани. В Москве были созданы лже-манифест и прокламации „Земля и воля. Свобода вероисповедания”, „Земля и воля. Временное народное правление”. Эти сочинения были призваны возбудить крестьян и, тем самым, поднять их на восстание.

Манифест был написан членом московской организации „Земли и воли” Юлианом Бензенгером, студентом-революционером, в то время служи-

вшим в армии. По своему стилю этот манифест поразительно напоминал царские манифесты. В нем объявлялась свобода веры и выполнение обрядов ее церкви. Всем крестьянам, как бывшим крепостным, так и государственным даровалась бесплатно в определенном размере земля. Упразднялась армия и, народ освобождался от рекрутских наборов и повинностей. Манифест провозглашал отмену всяких податей, наделение земель солдат, фабричных людей и мещан. Народ призывался избрать по четыре представителя от каждой общины, а затем и каждого уезда; последние должны были, в свою очередь, выбрать губернские власти, а съезду местных представителей в Москве надлежало образовать государственный совет, который будет управлять вместе с царем. Манифест гласил, что каждый должен встать на борьбу с теми, кто воспротивится воле царя³⁸. Датирован был манифест 31 марта 1863 г. Это был день православной Пасхи. Здесь учитывалась психология крестьян, когда день обнародования манифеста должен был быть торжественным днем.

Уполномоченными для проведения заговора в жизнь были назначены Иероним Кеневич и Максимилиан Черняк.

Кеневич родился в семье польского эмигранта во Франции, а теперь служил инженером на Московско-Нижегородской железной дороге. Он был связан с революционными кругами – русскими и польскими. Литовские белые одобрили план организации в Поволжье восстания и оказали Кеневичу финансовую помощь³⁹.

Черняк, наполовину русский, наполовину поляк, родился в 1835 г. Он был православным дворянином Вольнской губернии, не владеющим имением. Обучался в Киевском университете. С 1857 г. служил поручиком Одесского 48 пехотного полка. После окончания в 1862 г. Академии генерального штаба, он был прикомандирован к Петербургской провиантской комиссии⁴⁰. Черняк являлся членом революционной организации польских офицеров, основанной Сигизмундом Сераковским и Ярославом Домбровским. Именно ему было поручено связаться с Казанью и заняться подготовкой восстания.

В середине марта Черняк прибыл в Казань и встретился со своими двоюродным братом штабс-капитаном Наполеоном Иваницким. Иваницкий служил в Спасске, близ Казани, командуя ротой 4-го батальона резервного Охотского пехотного полка. Через Бирюкова, члена студенческой группы, находившейся под влиянием „Земля и воли”, Иваницкий и Черняк познакомились с другими членами группы. (Дело в том, что Бирюков был репетитором у Карпова, который воспитывался у своей родственницы Софьи Тюфяевой, которая была невестой Иваницкого). Секретарем студенческой организации был Полиновский, казначеем – Жеманов, наиболее активными членами – Орлов, Красноперов, Бирюков, Сергеев, Шербаков, Лаврский, Шулятников.

Было проведено собрание, на котором разрабатывался план восстания. Черняк представился как агент Российского революционного комитета „Земли и воли” и предъявил присутствующим рекомендательное письмо, подписанное якобы Бакуниным, состоящее из одной фразы: „Предъявителю сего надлежит верить”. Черняк сообщил, что является представителем „партии действия”, выделившейся из комитета „Земли и воли”. Эта „партия” выступала за немедленное восстание. Предлагалось поднять его до начала весенне-полевых работ. Заговорщики решили, что овладеть Казанью можно без особенного труда. Для этого необходимо разоружить посты, захватить казармы, финансовое ведомство, арестовать губернатора. Чтобы осуществить этот план, необходимо опереться хотя бы на небольшую группу крестьян, которые присоединились бы к солдатам роты Иваницкого. Затем нужно ударить на Ижевск, занять там оружейный завод, вооружить крестьянские массы и занять Казань. В связи с этим, агитаторы должны отправиться на село и призвать крестьян идти, вооружившись чем попало, на Казань. Надо отметить, что еще в первых числах марта члены казанской студенческой группы серьезно занялись распространением литературы. 10 марта с транспортом литературы отправился из Казани студент Орлов. Он решил пешком обойти Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии, а затем направиться в Сибирь. Почти одновременно с Орловым отправился в путь с революционной литературой и студент Элпидин.

В середине апреля из Москвы в Казань под именем Ост-Сеньковского прибыл Юзеф Сильванд с лже-манифестами, прокламациями, оружием и деньгами. Черняк в это время направился в Нижний Новгород.

Иваницкий позноккомился со студентом Иваном Глассоном и стал склонять его к участию в заговоре. Он дал Глассону подозрительную записку к Жеманову. Тот передал ее начальству, которое научило его нодать объявление, будто бы о потере портмоне с деньгами, где и была записка. Впоследствии, для вида Глассона арестовали⁴¹.

Узнав о готовившемся восстании, начальсрво в первых числах апреля 1863 г. объявило Казань на военном положении. Военный губернатор Козляников приказал убрать с Воскресенской улицы скамеечки, стоящие около домов и магазинов. Затем явились зеленые, заржавленные пушки, хранившиеся до этого где-то под губернаторским домом. В кузницах оттачивались офицерские клинки. Из всех ближайших городов солдат стянули в Казань. Солдаты в казармах спали в полной аммуниции. В девять часов вечера нельзя было выйти со двора, не быв захваченным патрулями. Губернатор поставил около своего дворца полный офицерский казачий караул. Город был наполнен докадками и слухами: одни говорили, что поляки хотят заполнить город; другие, что хотят приехать из Питера до тридцати искусных партизан и взять Казань приступом; третьи, что сту-

денты хотят поднять казанских татар и перерезать городские власти⁴².

После приезда Сильванда, на квартире у Ромуальда Станкевича состоялось собрание. Присутствовали, помимо Сильванда и хозяина квартиры, Мрочек, Сергеев, Полиновский, Жеманов, Шербаков, Бирюков, Миттерман и несколько поляков-студентов Петербургского и Казанского университетов.

На собрании Александр Мрочек доложил о новом плане восстания, в связи с введением в Казани осадного положения. Согласно этому плану, центр тяжести в предполагаемом восстании переносился из города в деревню. Поэтому студенты, участники заговора, активизировали свою агитацию и распространение литературы среди крестьян.

29 апреля 1863 г. Начальник Казанской губернии уведомил городничих и земских исправников о том, что в последнее время появляются в соседних с Казанской губерниях – Вятской и Пермской – попытки распространения возмутительных сочинений и воззваний, имеющих целью нарушение общественного спокойствия. В недавнем времени, по словам Начальника, подобный случай произошел в одном из уездных городов Казанской губернии. От городничих и земских исправников требовали иметь постоянный бдительный надзор за нераспространением возмутительных сочинений и воззваний. В случае появления распространителей необходимо было тотчас же предавать их суду и доносить об этом Начальнику Казанской губернии⁴³.

Через несколько дней вышло новое распоряжение о том, что распространителей возмутительных сочинений и воззваний (особенно, фальшивого манифеста) надо немедленно представлять арестованными к Военному губернатору Казанской губернии с подробным описанием их противозаконных действий⁴⁴.

Начальник Казанской губернии предупреждал, что, если в результате следствия в соседних губерниях откроется, что распространители действовали и в Казанской губернии, а городничие и земские исправники этой местности не знали об этом, то они виновные в слабом наблюдении неприятия мер, будут немедленно удалены от службы с преданием их суду⁴⁵.

Министр внутренних дел Валуев телеграфировал 2 мая 1863 г. Казанскому Военному губернатору Козлянинову с тем, чтобы он принял меры по разъяснению крестьянам их обязанности задерживать распространителей лже-манифеста. Губернатор должен был объявить полиции, что она должна вести зоркое наблюдение и действовать быстро и решительно⁴⁶.

К борьбе с распространителями были привлечены и мировые посредники. Военный губернатор просил их немедленно объехать вверенные им участки, внушить крестьянам, в связи с распространением составленных за границей фальшивых манифестов противозаконного содержания, чтобы

они „несмотря на лицо” сами задерживали распространителей и представляли их вместе с листками к начальству⁴⁷.

И некоторые крестьяне откликнулись на призыв властей, активно разыскивая распространителей. В 1864 г. на имя императора были получены две просьбы от крестьянки Ольги Николаевой и ее сына Никанора Сиденкина о вознаграждении последнего за содействие в разыскании распространителей лже-манифеста. Дело в том, что Казанская комиссия по каким-то причинам отказала в вознаграждении⁴⁸.

Различных возмутительных сочинений и воззваний было достаточно много. Так, в августе 1863 г. в 3 отделение пришло сообщение об управляющим в Казани пароходным обществом „Дружина” Поленове, капитане „Скорого”, который доставлял из Петербурга и развозил по Волге и Каме до Астрахани заграничные, возмутительного содержания брошюры и воззвания⁴⁹.

После объявления в Казани осадного положения, не исключено, что Кеневич решил перенести свою деятельность в другие губернии. 22 апреля 1863 г. он отправил из Москвы четырех студентов-поляков Петербургского университета распространять подложный манифест. Маевский и Олехнович направились в Тамбовскую, Рязанскую и Тульскую губернии; Госцевич – в Симбирскую, а Новицкий – в Саратовскую губернию. Но вскоре все студенты были арестованы⁵⁰.

11 апреля 1863 г. в Казань прибыл флигель-адъютант полковник граф Нарышкин с целью собрать точные сведения о заговоре и ускорить его ликвидацию. По его распоряжению, в конце апреля был произведен обыск у Наполеона Ивеницкого, Ивана Глассона, Семена Жеманова и у живших с Жемановым товарищей – Дмитрия Гельшерт, вольного слушателя Порфирия Глазова и приехавшего из Симбирска не служилого дворянина Александра Гельшерт⁵¹.

У Жеманова с товарищами и Глассона при обыске ничего преступного и предосудительного не оказалось⁵². На квартире у Ивеницкого в селе Бездна был найден список на четвертке листка с польскими фамилиями офицеров разных полков⁵³.

Все трое были арестованы, а затем отправлены в Санкт-Петербург. Отправляли их через сутки одного после другого, чтобы они не могли встретиться на станции. Кроме того, до Нижнего Новгорода их везли сухим путем, а не на пароходе⁵⁴. 27 апреля 1863 г. в двенадцать часов ночи штабс-капитан Мейнстаузен с одним жандармом отправился в Санкт-Петербург, сопровождая Ивеницкого⁵⁵. 29 апреля рядовые жандармской команды Иван Бойченко и Петр Антонов конвоировали в Петербург Глассона⁵⁶, а 30 апреля в два часа ночи в сопровождении рядовых Василия Мойсы и Андрея Серебрякова был отправлен Жеманов⁵⁷.

Все сопровождающие были снабжены инструкциями. Согласно этим

инструкциям, они должны были во время пути неотступно находиться при арестанте при полном вооружении и, не позволять ему ни с кем разговаривать; нужно было смотреть, чтобы заключенный не нанес себе вреда и не взял бы имеющееся оружие; квартиры надо не нанимать, а требовать от местных начальников и, останавливаться можно было только там, где есть воинские команды, чтобы поставить караул; по прибытии в Санкт-Петербург необходимо было немедленно явиться в 3 отделение⁵⁸.

Но как вспоминал Иван Красноперов, арестованный еще 19 марта 1863 г. и отправленный в Вятку за предосудительное письмо к учителю Вятской духовной семинарии Красовскому, сопровождавшие его спали в пути, отлучались от него так, что не мог даже разговаривать с людьми в местах остановки⁵⁹.

Может быть и в этот раз конвой не придерживался инструкции, но, согласно полученным сопровождавшими квитанциям, Иваницкий, Жеманов и Глассон были приняты 3 отделением в Санкт-Петербурге 6 мая 1863 г.⁶⁰

После ареста Иваницкого и Жеманова, последовали массовые аресты. В Петербург был доставлен Мрочек, арестованный в Москве на квартире у Черняка. Самому же Черняку удалось бежать.

Все тюрьмы Казани были переполнены: военный замок (гауптвахта), гражданский тюремный замок, все пять частей полиции и целое отделение за городом в военном госпитале⁶¹.

Арестованных могли около двух суток продержать без пищи, кроме воды, посадив на арестантскую диету. Студент Новицкий имел 200 руб. и договорился со смотрителем. Поэтому ему начали давать мясной суп и молоко.

В Лаишевской тюрьме, где сидел Михаил Элпидин, содержали как в вятской, пензенской и пермской тюрьмах. Серые щи без мяса два раза в день и все.

Элпидина поместили в сырой подвал, где ползали красные червяки. Его постель состояла из одного мешка, набитого пшеничным колосьем, без одеяла⁶².

В тюрьмах печи как лучшие вентиляторы заделали кирпичами. Рамы заколотили, кроме небольших форточек. К внешней стороне рам были приколочены страшные крашенные масляной краской полотна, не пропускавшие свет и воздух. Арестованных не пускали в ретирады. Вместо этого в камере имелась незакрывающаяся деревянная посуда, от чего воздух был убийственным. Курить не разрешали. По двору гулять не пускали, пока несколько человек не заболело⁶³.

В отличие от Элпидина, Красноперова сначала поместили в больницу для душевно-больных. Комната у него была светлая, два окна выходили во двор. По середине комнаты стояла железная кровать с мочальным ма-

трацем и двумя подушками. Белье на постели было чистое, байковое одеяло новое. Правда, у дверей стоял солдат с ружьем⁶⁴.

Но когда Красноперов отказался помогать властям, его перевели в Вятскую тюрьму. Здесь комната была довольно узкая, длинная, грязная и вонючая. Вдоль одной стены тянулись нары: ни стола, ни стула, ни постели не было. В углу стояла грязная деревянная параша. Лучных вещей Красноперову не оставили, даже полотенца. Поэтому после умывания он вытирался концом ночной рубашки.

На обед в тюрьме давали серую бурду из круп с каким-то жилами на дне чашки и ломоть скверного черного хлеба. Так продолжалось месяц. В результате Красноперов страшно ослабел, у него начались головокружения, а под конец он заболел дизентерией. После этого ему поставили кровать с постельными принадлежностями, столик и стул. Арестантский халат поменяли на новый больничный халат из желтого сукна. Было разрешено ежедневно гулять по тюремному двору, но одному, когда всех других арестантов уводили⁶⁵.

В июне 1863 г. Красноперова посадили в Казанский военный замок в камеру под номером семь. И до окончания следствия всех арестантов содержали в одиночном заключении⁶⁶.

25 мая 1863 г. в Казани по распоряжению императора была учреждена Главная следственная комиссия для расследования дела о заговоре. Элпидин пишет, что в Казани высшая власть находилась в руках этой комиссии и Временного генерал-губернатора Казанской, пермской и Вятской губерний генерал-адъютанта Тимашева. Состав комиссии Элпидин описывает следующим образом: „Главный инквизитор Жданов, со звездой, но без зубов; Анненский, низкого роста, седой, с наглым выражением лица; казачий полковник Слуцкий, ярый славянофил, постоянно раздушенный и прикидывающийся сочувствующим к арестантам; статский советник Превлоцкий, без хитрости, но готовый всякого обругать; Афанасенко, чиновник от министерства юстиции, пузатенький и дрябленький и жандармский полковник Ларионов, похожий на простяка фельдфебеля. Комиссия наняла роскошную квартиру для дознания⁶⁷, которая находилась на улице Лядской в доме Авозалевского⁶⁸.

Комиссия, по имени Элпидина, по большому счету обращалась со всеми арестованными одинаково, но в мелочах была разница. С одним обходились мягко, с другим поглубе, вероятно, сообразуясь с „физиономией и платьем”⁶⁹.

Кеневич, Станкевич и Черняк были арестованы позднее, уже после казанских арестов.

23 мая Кеневич выехал из России в Париж. Покончив с делами в Париже, он предполагал вернуться в Польшу. Но в начале июня 1863 г. его арестовали, в тот момент когда он переходил русскую границы. 9 июля

1863 г., согласно постановлению Санкт-Петербургской следственной комиссии, в Казань был препровожден французский подданный Иероним Кеневич⁷⁰. С унтер-офицеров Санкт-Петербургского жандармского дивизиона Волковым, который сопровождал Кеневича, в Казань был прислан один секретный конверт для Начальника Казанской губернии, с вложением в него 142 руб. 2 к., принадлежащих арестанту и два секретных конверта для Жданова⁷¹.

Иероним Кеневич был заключен в военно-тюремный замок за номером 22. Он неоднократно просил смотрителя замка закупить для него разные вещи, доставить улучшенную пищу. Расходы производились из его денег, находящихся в канцелярии Казанского Военного губернатора. Поэтому смотритель не один раз обращался к Военному губернатору с просьбой выделить деньги (в июле 1863 г. – 42 руб. 2 к.; в августе – 25 руб.; в сентябре – 50 руб.)⁷².

В своих воспоминаниях Михаил Эллидин писал, что смотрители и их помощники были плохо выбраны комиссией. Деньгами распорядились они, а заключенные только расписывались по книге в получении предметов. Вещь, стоящая 15 к., оценивалась смотрителем в 45 к.⁷³

Еще в марте Минская по политическим делам комиссия обратилась в просьбой к Казанскому Военному и Гражданскому губернатору сделать у Ромуальда Станкевича внезапный и негласный обыск, так как при обыске у коллежского ассесора делопроизводителя Минской палаты Государственных имуществ Карла Станкевича (родной брат Ромуальда Станкевича) нашли письмо Р. Станкевича к матери от 30 мая 1862 г. на польском языке. В письме содержатся мысли противные долгу русского офицера (Р. Станкевич был подпоручиком 4-го резервного батальона Азовского пехотного полка). Минская комиссия просила бумаги и письма, которые при обыске окажутся на польском языке, выслать к ней⁷⁴.

В письме Станкевича подозрительными комиссии показались строки о том, что Станкевичу „тяжко на сердце от теперешних дел, гнетущих нас... столько несчастных отправляются в Оренбург и Сибирь, что трудно освободиться от неприятных впечатлений... стоит ли говорить о моих выгодах, когда целей народ в трауре, когда героизм пожертвований до высочайшего своего развития. Все мои желания в настоящее время ограничиваются желанием увидеться с Вами и бросить службу эту, которая меня так тяготит...”⁷⁵.

При обыске у Станкевича ничего противозаконного обнаружено не было и, был составлен акт осмотра, направленный Казанскому Военному губернатору⁷⁶.

15 мая 1863 г. Казанский полицмейстер подал рапорт Военному губернатору о том, что 14 мая из Казани скрылся неизвестно куда Станкевич⁷⁷.

Из штаба 3-го резервного корпуса Москвы 8 февраля 1864 г. пришло

сообщение на имя Казанского Военного губернатора. В нем говорилось о том, что командир Моршанского пехотного полка доносит о поимке Станкевича, который именовал себя бродягой Андреем Федоровым Поповым (он же Андрей Иванов Соколов). По уведомлению Оршанского уездного суда Станкевич сознался в своем настоящем звании 16 января 1864 г.⁷⁸

Затем в матре Станкевич был прислан в Казань и арестован при здешнем городском полицейском управлении⁷⁹. Согласно распоряжению Казанского Военного губернатора от 23 мая 1864 г., Станкевича перевели из полицейского управления в военно-тюремный замок⁸⁰.

Итогом работы следственной комиссии в Казани стало решение комиссии полевого военного суда и конфирмация Временного генерал-губернатора Тимашева.

Комиссия полевого военного суда признала виновными:

Ивана Орлова в распространении возмутительных воззвания в губерниях Вятской и Пермской с целью возбуждения народа к бунту и изменения существующего государственного порядка; в знании и недонесении о действиях и мыслях штабс-капитана Иваницкого, поручика Мрочка и студента Санкт-Петербургского университета Сильванда, направленных к производству в Казани вооруженного восстания для содействия польскому мятежу; в принятии участия в происходящих по этому поводу совещаниях; в рассылке прокламаций, привезенных Сильвандом из Москвы в количестве 100 экземпляров; в знании и недонесении о существовании в Казани литографических станков, на которых печатали возмутительные воззвания⁸¹.

Александр Маевский обвинялся в согласии присоединиться к замышлявшемуся восстанию и в приглашении к участию в нем Новицкого и Госцевича. Фердинанд Новицкий – в вовлечении Олехновича. Август Олехнович – в согласии проводить в народ идеи о поддержке польского восстания. Вместе Маевский, Госцевич, Новицкий и Олехнович были признаны виновными в распространении ложных манифестов, в принятии чужих имен, в ложных показаниях на допросах⁸².

Военный суд постановил священнического сына Ивана Яковлева Орлова (23 лет), мещанина г. Новогрудска Александра Иванова Маевского (20 лет), дворянина Ковенской губернии Августа Станислава Олехновича (17 лет), дворян Виленской губернии Фердинанда Иванова Новицкого (30 лет) и Евстафия Игнатьева Госцевича (20 лет) лишить всех прав состояния и расстрелять⁸³.

Временный генерал-губернатор Тимашев рассмотрел те последствия, которые принесло распространение ложных манифестов: одни крестьяне поверили в них, другие считали фальшью, а в Пензенской губернии в некоторых селениях волнения крестьян потребовали особых мер⁸⁴.

По мнению Тимашева, главная вина подсудимых заключается в покушении, посредством распространения возмутительных воззваний, произвести бунт или восстание против верховной власти. Причем, покушение было остановлено не по их собственной воле⁸⁵.

Но генерал-губернатор принял во внимание то, что листовки данные Орловым („Земля и воля”, „Долго давали вас братцы”) не имели никаких последствий. Кроме того, Орлов решил отказаться от участия в делах Иваницкого и Мрочка. Он объяснил сам некоторые свои действия и открыл других „злоумышленников”⁸⁶.

Остальные обвиняемые не имели средств к проведению бунта и были орудием главных польских агитаторов и пропагандистов, которые их снабдили деньгами, инструкциями и манифестами⁸⁷.

Согласно подтверждениям Тимашева, Орлова, Маевского, Новицкого, Госцевича и Олехновича лишили всех прав состояния и сослали в каторжные работы. По окончании которых им предписывалось навсегда остаться на жительство в Сибири. Всем присудили пятнадцать лет каторжных работ, кроме Олехновича, который должен был отработать двенадцать лет, так как он был несовершеннолетним и участвовал в распространении манифеста бессознательно и не вполне добровольно⁸⁸.

Студенты были отправлены в Восточную Сибирь 12 июня 1864 г. на пароходе до г. Перми⁸⁹. В соответствии с постановлениями о порядке отправления ссыльных в Сибирь, они были в казенной арестантской одежде с наложением на ней особых знаков и в кандалах⁹⁰. Но Александр Маевский прибыл в г. Томск в собственной одежде и без кандалов⁹¹. По этому поводу Казанская экспедиция о ссыльных уведомляла, что отправила всех студентов как положено, а кто в дальнейшем отступил от правил не знает⁹². Уведомления Казанской экспедиции подтверждают воспоминания Элпидина: „Из военного суда Олехновича, Маевского, Госцевича, Новицкого и Орлова увезли на пяти тройках с жандармами. Одели их в серые кафтаны, с тузами на спине, а Маевского заковали в кандалы. Каждую тройку окружили пятью казаками, пока они не выехали из города”⁹³.

5 июня 1864 г. решением комиссии и генерал-губернатора штабс-капитан Иваницкий, поручик Мрочек, подпоручик Станкевич и французский подданный, дворянин Минской губернии Иероним Кеневич были признаны виновными:

Иваницкий – в недонесении правительству о преступных замыслах поручика Черняка, в предложении ему своих услуг, в знакомстве поручика Черняка с кружком университетских студентов, в принятии непосредственных мер к сокрытию Черняка, в сочувствии польскому восстанию, в приобретении и хранении у себя возмутительных воззваний и ложного манифеста, в ведении преступного разговора с крестьянином села Без-

дна Хориным, с целью узнать насколько подготовлен набор к восстанию. Мало того, Иваницкий вызывал через фальдфебеля своей роты Матвея Афанасьева в свою квартиру крестьянина Матвея Михайлова из деревни Балховской и говорил, что земля, поступившая в крестьянский надел, не барская, а Божия, поэтому не нужно батрачить. Сельский староста и безденский волостной старшина, узнав о разговоре от Михайлова, ходили к Иваницкому, но тот отказался от своих слов⁹⁴.

Мрочек – в принятии непосредственного участия в подготовке восстания, в призыве университетских студентов к восстанию, в разделе манифестов и воззваний студентам, в сокрытии поручика Черняка, в связях с Сильвандом, в самовольной отлучке в Москву под чужим именем⁹⁵.

Станкевич – в побеге из службы в Польшу, с целью встать в ряды инсургентов (тоже самое ставилось в вину Госцевичу, который в феврале 1863 г. ездил в Витебскую губернию, чтобы присоединиться к отряду повстанцев в Мариенграузском лесу, но он нашел там только 8 человек и вернулся в Санкт-Петербург. В конце мая он вновь отправился туда, но получив известие, что крестьяне около Динабурга разбили участников восстания возвращается назад.), в участии в подготовке восстания, в приеме у себя на квартире Сильванда, в приобретении фальшивых документов, в найме для поручика Черняка квартиры, на случай если бы тот приехал вторично; в даче ложных показаний⁹⁶.

Кеневич – обвинялся как главный распорядитель в рассылке эмигрантов в приволжские губернии, в раздаче им ложных манифестов и Фальшивых видов на свободный проезд, а также денег; в том, что проживал в декабре 1862 г. в Москве в гостинице Шевальдышева по чужому паспорту⁹⁷.

По рассмотрению дела, суд постановил: Иваницкого (27 лет), Мрочка (30 лет), Станкевича (27 лет) и Кеневича (30 лет) расстрелять⁹⁸.

Временный генерал-губернатор, на основании представленных комиссией сведений, подтвердил решение полевого военного суда о расстреле. Кроме того, Тимашев постановил лишить всех прав состояния, а первых трех медалей и чинов⁹⁹.

Иваницкого, Мрочка, Станкевича и Кеневича расстреляли за Казанью у подлужной слободы между русской и немецкой швейцариями при многочисленном стечении народа 6 июня 1864 г. в семь часов утра¹⁰⁰. После расстрела, их тела отвязали от столбов, бросили в ямы и зарыли, а потом по земле над могилами церемониальным маршем и с барабанным боем прошли солдаты¹⁰¹.

Подвергся суду и поручик 6-го резервного стрелкового батальона Николай Осипов Михайлов. Он был обвинен в сношениях с распространителями манифеста и в содействии им, а также в знании и недонесении о готовившемся восстании в Казани. Эти обвинения были предъявлены на основании показаний поручика Мрочка¹⁰².

Интересно заметить, что Мрочек признался во всем и дал показания против своих товарищей. Согласно этим показаниям, Иваницкий, когда узнал, что в Царстве Польском в костелах поют революционные гимны, хотел устроить с этой же целью хор поющих в Казани. Но мать его обратилась к Казанскому Военному губернатору, чтобы он „родительскими настояниями умирил буйную голову”¹⁰³. В связи с этим, в августе 1863 г. Главная следственная комиссия обратилась за разъяснениями к губернатору. Тот ответил, что около двух лет назад получил письмо от помещицы Вольнской губернии графини Пелагеи Чацкой с просьбой помочь сыну одной ее соседки Иваницкой. Сын писал к матери, что его как поляка обвиняют в пении польских гимнов и он поэтому боится потерять роту. Он просил губернатора оградить его от неправильного преследования начальства. Губернатор же узнал, что Иваницкий ни в чем подобном не обвиняется, что пользуется особым доверием и расположением начальника дивизиона генерал-лейтенанта Скалона и, что от командования ротой его отстранять никто не собирался. Письмо Иваницкого является ложью, он просто пытался вызвать патриотические и материнские чувства у своей матери с целью денежного вымогательства. Далее губернатор сообщал, что с Иваницким не встречался и наставлений ему не давал¹⁰⁴.

Замечателен тот факт, что Иваницкий на допросах, как вспоминал Эллидин, отвечал, что не знает никаких проектов восстания. У него состоялась очная ставка с Мрочек, на которой он отвергал все улики, выдвинутые против него Мрочек. Комиссия, заметив экзальтированное состояние Иваницкого, стала оскорблять его двусмысленными намеками в трусости, он не выдержал и во всем признался¹⁰⁵.

А по архивным данным известно, что ранее, когда Иваницкий был отправлен в Санкт-Петербург, из Казани в Министерство внутренних дел была направлена депеша, в которой говорилось о его трусливом характере и о том, что Иваницкого легко заставить высказаться¹⁰⁶.

Поручика Михайлова же лишили чинов и всех прав состояния. Он был отправлен в каторжные работы сроком на десять лет. По истечении этого срока ему предписывалось жительство в Сибири¹⁰⁷.

12 июня 1864 г. в официальной части „Казанских губернских ведомостей” (номер 24) появилось сообщение о созданной в Казани следственной комиссии, в связи с распространением ложного манифеста, возмутительных воззваний и подготовкой восстания. Говорилось о том, что все арестованные разделены на три категории: зачинщики и двигатели; лица, меньшей степени виновности (21 человек) и лица, к которым можно применить административные меры. (Эллидин пишет о четырех категориях: те, кто судится полевым судом; военно-уголовным; уголовно-гражданским и те, к кому был применен административный или полицейский

порядок). Далее газета сообщала о приговорах, о том каков был план заговорщиков и их действия. В заключении были сделаны выводы, что распространители манифеста были исключительно поляками. Цель задуманного восстания одна – поддержать восстание в Царстве Польском. Что преобладание польского элемента в событиях не дает им характера внутреннего движения. Тем более, что народ почти повсеместно предавал пропагандистов в руки правосудия, а русская молодежь отеклась от соучастия с зачинщиками восстания¹⁰⁸.

Сообщение о том, в чем виновны штабс-капитан Иваницкий, поручик Станкевич и поручик Михайлов, а также содержание их приговора были помещены в „Русском инвалиде” (номер 239) 29 октября 1864 г.¹⁰⁹

С июля по август 1864 г. 3 отделением были направлены депеши Временному генерал-губернатору Тимашеву, Казанскому Военному губернатору, подполковнику Рубанову, состоящему при штабе Казанского Военного губернатора для особых поручений и казанскому штабс-офицеру корпуса жандармов полковнику Ларионову¹¹⁰.

В этих депешах говорилось о задержании в Динабурге на железной дороге и об отправлении в Вильно, намеревавшегося пробраться за границу неизвестного человека, который назвал себя сначала Шишко, а потом поручиком Черняком, который в феврале 1863 г. с агентом ПК Иеронимом Кеневичем выехал из Санкт-Петербурга в Москву, а потом в Вильно, где получил назначение на звание начальника одной мятежнической шайки.

Временный генерал-губернатор обращался к Главному начальнику Северо-Западного края и в 3 отделение с тем, чтобы Черняка прислали в Казань для проведения расследования, так как он был „зачинщиком и главным двигателем преступного замысла”¹¹¹.

Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский генерал-губернатор и Главный начальник Витебской и Могилевской губерний¹¹² и флигель-адъютант 3 отделение Мезенцев¹¹³ ответили, что Черняк некоторое время должен оставаться в Вильно, где производится следствие о действиях его в Витебской губернии, в которой он скрывался более восьми месяцев. Кроме того, Черняк признал, что был предводителем под именем Лода мятежнической шайки в Трокском уезде Виленской губернии¹¹⁴ и, что ограбил деньги из волостного правления в М. Олькениках¹¹⁵.

По прибытии Черняка в Казань расследование поручалось провести Рубанову и Ларионову, в соответствии с делом о политических преступниках первой категории (четыре человека из которой расстреляны, а пять человек сосланы в каторжные работы)¹¹⁶. Это дело было передано в Казанский уездный суд для определения меры вины и ответственности лиц второй категории, виновных в тех же преступлениях и содержащихся в Казанском тюремном замке (всего 17 человек)¹¹⁷.

Первоначально Черняка тоже причислили ко второй категории¹¹⁸. Но в ходе следствия выяснилось, что он по степени виновности принадлежит к первой категории¹¹⁹.

Дело в Уголовной палате о лицах второй категории было остановлено в ожидании, когда доставят Черняка¹²⁰. Нужны были его показания, чтобы точнее определить меру виновности студентов Казанского университета и, решить какое признание студентов из двух истинно.

Дело в том, что вечером 15 марта 1863 г. Черняк через своего двоюродного брата Иваницкого встретился со студентами Сергеевым, Полиновским, Жемановым, Лаврским и Щербаковым на квартире у Полиновского. Черняк назвал себя агентом Московского революционного ЦК, присланным для разузнания местности и средств восстания. Он развивал план восстания, говорил о средствах комитета, вербовке людей и приглашал студентов принять участие в восстании весной 1863 г. Но студенты не согласились. С другой стороны, Черняк присылал студентам письма, деньги на покупку оружия, прокламации и револьверы. Студенты старались предупредить приезд Черняка в Казань, чтобы он не попал в руки правительства¹²¹.

На основании этого в Казанской палате уголовного суда решили, что студенты, если не сами составили партию действия, то сочувствовали замыслам Черняка и изъявили на осуществление предложенных им планов полное согласие¹²².

14 марта 1864 г. Черняк прибыл в Казань под караулом двух жандармов. Вместе с ними было доставлено производство о Черняке на 39 листах. Черняка поместили в Казанский военно-тюремный замок в особую секретную камеру со строгим караулом¹²³. Согласно уведомлению Начальника Казанской губернии, Черняк должен был довольствоваться из отпускаемых Казанской казенной палатой смотрителю Казанского гражданского тюремного замка денег на продовольствие, содержащимся в этом замке арестантам по политическим делам¹²⁴. Так же из канцелярии губернатора Черняку были выданы его деньги (18 руб. 10 коп. серебром) в условиях крайней нужды и на обзаведении постельным бельем¹²⁵.

По докладу Министра внутренних дел Александр 2 повелел предать Черняка полемому суду. Суд должен был производиться порядком для мирного времени, а приговор должен быть постановлен по полевым законам и с предоставлением права окончательной конфирмации Командующему Казанского Военного округа¹²⁶.

11 октября 1865 г. Командующий приказал расстрелять исключенного из службы поручика 48 пехотного Одесского полка Черняка, осужденного Военным судом по полевым уголовным законам за политическое преступление. Казань была исполнена 11 октября в десять часов утра за подлужной слободой. Начальник окружного штаба Казанского Военного

округа просил губернатора назначить на место казни полицейских чиновников и нужное число нижних чинов полицейской и казачьей команды для охраны порядка¹²⁷.

2 декабря 1865 г. в „Русском инвалиде“ (номер 267) появилось сообщение, в котором говорилось о вине Черняка и о том, какое наказание он за это понес¹²⁸.

Поляки, которые участвовали в заговоре, все были казнены. Студенты отправлены в каторжные работы. Судьбы их сложились по-разному.

Иван Орлов находился в каторжных работах в Иркутской губернии¹²⁹. Но через несколько месяцев, после прибытия туда, он бежал в Англию¹³⁰.

Михал Эллидин, обвиненный за то, что был в селе Бездна после беспорядков 1861 г. и за раздачу воззваний в 1863 г., был сослан в каторжные работы¹³¹.

Иван Красноперов находился в Казанском тюремном замке пять лет. 26 июля 1867 г. Сенат вынес приговор по делу казанских студентов. Двадцати семилетний Иван Красноперов был признан виновным по первой категории. Его приговорили, лишив всех прав состояния, сослать в каторжные работы в рыдниках на двенадцать лет. Но правительством Александра 2 смягчено приговор. Красноперову зачли срок его тюремного заключения и выпустили на свободу, отдав под надзор полиции. В 80-е – 90-е годы 19 в. Красноперов жил в Самаре, где заведовал земским статистическим бюро¹³².

14 сентября 1865 г. в „Сенатских ведомостях“ (номер 74) сообщалось об утвержденном императором положении Совета Корпуса Горных Инженеров о бывшем Горном Начальнике Нерчинских заводов инженер-полковнике Оскаре Дейхмане, который за послабления, оказанные им в содержании на заводах государственного преступника Михайлова, был исключен из службы¹³³.

Участники заговора не имели четких представлений о ходе намечавшегося восстания в Поволжье, о том, как лучше подготовиться к нему. Зато поляки ясно видели перед собой цель этого восстания. Они всей душой и всеми силами стремились к восстановлению независимой Польши. Доказательством тому служит то, что поляки прошли через все испытания и трудности, выпавшие на этом пути. Их подвергли арестам, тюремному заключению, допросам. А приговором им стала казнь, которую они восприняли мужественно. Правда, всегда находятся люди недостойные своих товарищей, и именно таким человеком оказался поручик Александр Мрочек. О трусости же штабс-капитана Наполеона Иваницкого рассуждать достаточно сложно, хотя событие в селе Бездна, когда он отказался от своего разговора с крестьянином Матвеем Михайловым и те, обстоятельство, при которых этот разговор состоялся, вносят некоторые сомнения на его счет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История южных и западных славян: Курс лекций. – М.: МГУ, 1979. – с. 205-207.
2. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1744 О докторе Гроссе и студенте Верцинском, обвиняемых в посредничестве с политическими ссыльными. – л. 1 и об.
3. Там же. – л. л. 8, 9.
4. Федосова Т. Ф. Польские революционные организации в Москве. – М.: Наука, 1974. – с. 132.
5. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1858 О бывшем в католической капелле богослужении. – л. 2 и об.
6. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1872 О ксендзе Галимском, обвиняемом в денежной поддержке участников Польского восстания. – л. 52 об.
7. Там же. – л. 31.
8. Там же. – л. 6.
9. Там же. – л. 27.
10. Там же. – л. 15.
11. Там же. – л. 62 об.
12. Там же. – л. 66 об.
13. Там же. – л. 69 об.
14. Там же. – л. 41 и об.
15. Там же. – л. 24.
16. Там же. – л. л. 70 об., 71.
17. Там же. – л. 12 и об.
18. Там же. – л. 76.
19. Козьмин Б. П. Отзвуки польского восстания 1863 г. в центральной России // Красный архив. – 1923. – т. 4 - с. 278.
20. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1872. – л. 76.
21. Там же. – л. 16 и об.
22. Там же. – л. 94.
23. Там же. – л. 61 об.
24. Там же. – л. 84.
25. Там же. – л. 85.
26. Там же. – л. 86.
27. Там же. – л. 87.
28. Там же. – л. 89 и об.
29. Там же. – л. 95.
30. Федосова Т. Ф. Там же. – л. 132.
31. Федосова Т. Ф. Там же. – л. 133.
32. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7 По отношению казанского губернского прокурора о то, что солдаты, находящиеся в здешнем гарнизонном батальоне из поляков имеют намерние учинить побег. – л. 16.
33. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1926 О прибытии в Казань партий польских рекрутов. – л. л. 4, 5.
34. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1925 Об обеде, данном помещиком Дмитриевым польским рекрутам. – л. л. 6 об., 7.
35. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1926. – л. 1 и об.
36. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1908 О приведении к присяге польских рекрут 4-го резервного батальона Украинского пехотного полка. – л. л. 29 и об., 49 об.
37. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7. – л. 20.
38. Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. – М.: ИЛ, 1953. – с. 254-255.
39. Миско М. В. Польское восстание 1863 г. – М.: АН СССР, 1962. – с. 198.
40. Дьяков В. А. Детели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856-1865 г.г. – М.: Наука, 1967. – с. 184-185.

41. Воспоминания Элпидина // Материалы для истории революционного движения в России в 60-х. – Ростов-на-Дону: Донская Речь, б.г. – с. 135.
42. Там же. – с. 134.
43. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1843 О распространении воззваний, лже-манифеста. л. 1 и об.
44. Там же. – л. 3.
45. Там же. – л. 2.
46. Там же. – л. 4.
47. Там же. – л. 10 и об.
48. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2 Д. 2057 О крестьянке Ольге Николаевой, ходатайствовавшей о вознаграждении сына ее за содействие к розыску распространителей ложного манифеста. – л. 1 и об.
49. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1844 О намерении некоторых лиц, служащих в пароходном обществе „Дружина”, развезить по р. Волге неподобающие сочинения и воззвания. л. 1 и об.
50. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2032 Постановления военного суда о штабс-капитане Иваницком, поручике Мрочек и их единомышленниках. – л. л. 6, 7.
51. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1875 О штабс-капитане Иваницком и его единомышленниках, высланных из Казани за политическую неблагонадежность. – л. 8.
52. Там же. – л. л. 9, 11.
53. Там же. – л. 34.
54. Там же. – л. 23 и об.
55. Там же. – л. 27 и об.
56. Там же. – л. 42.
57. Там же. – л. 40 и об.
58. Там же. – л. 51 и об.
59. Воспоминания Красноперова // Минувшие годы. – 1908. Н 12. – с. 70.
60. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1875. – л. л. 50, 53, 57.
61. Воспоминания Элпидина. – с. 140.
62. Там же. – с. 138-139.
63. Там же. – с. 141.
64. Воспоминания Красноперова. – с. 72.
65. Там же. – с. 76.
66. Там же. – с. 78.
67. Воспоминания Элпидина. с. 140.
68. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1875. – л. 64.
69. Воспоминания Элпидина. – с. 144.
70. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1878 О Кеневиче, содержащемся под арестом. – л. 1 и об.
71. Там же. – л. 2.
72. Там же. – л. л. 6, 7.
73. Воспоминания Элпидина. – 144.
74. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1900 О подпоручике Азовского резервного батальона Станкевиче. – л. 1 и об.
75. Там же. – л. л. 4, 5.
76. Там же. – л. л. 7, 10.
77. Там же. – л. 18.
78. Там же. – л. 26 и об.
79. Там же. – л. 27 и об.
80. Там же. – л. 34.
81. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2032. – л. 2 об.
82. Там же. – л. 3 и об.
83. Там же. – л. 3 об.
84. Там же. – л. 7 и об.
85. Там же. – л. 8.

86. Там же. – л. 9.
87. Там же. – л. 9.
88. Там же. – л. 10.
89. Там же. – л. л. 31 об., 32.
90. Там же. – л. 34 и об.
91. Там же. – л. 31.
92. Там же. – л. 32.
93. Воспоминания Элпидина. – с. 146.
94. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2032. – л. л. 11 об., 12 об.
95. Там же. – л. л. 12 об, 13 об.
96. Там же. – л. л. 13 об., 14.
97. Там же. – л. 13.
98. Там же. – л. 14 об.
99. Там же. – л. 17 об.
100. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2039 Об арестованных поляках: Ал. Маевском, Ф. Новицком, Е. Госцевиче, Ал. Мрочек, Р. Станкевиче, Ив. Орлове, Н. Иваницком. – л. 5 и об.
101. Воспоминания Красноперова. – с. 79.
102. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2032. – л. 18 и об.
103. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1875. – л. 66 и об.
104. Там же. – л. л. 68, 69 и об.
105. Воспоминания Элпидина. – с. 141.
106. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1875. – л. 26 об.
107. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2032. – л. 18 и об.
108. Государственные преступления в России в 19 в. // Русская историческая библиотека. – Спб.: Русская скоропечатня, 1906. – т. 1. – с. 123-125.
109. Там же. – с. 126.
110. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2045 О поручике Черняке, обвиняемом в политических воззрениях и скрывшемся неизвестно куда. – л. л. 1, 3, 6, 9.
111. Там же. – л. 14.
112. Там же. – л. 15 и об.
113. Там же. – л. 16 и об.
114. Там же. – л. 34.
115. Там же. – л. 31 об.
116. Там же. – л. 31.
117. Там же. – л. 12.
118. Там же. – л. 2. об.
119. Там же. – л. 31.
120. Там же. – л. 18.
121. Там же. – л. 24 и об.
122. Там же. – л. 25.
123. Там же. – л. л. 19 об., 20.
124. Там же. – л. 23.
125. Там же. – л. л. 29, 30.
126. Там же. – л. 34 об.
127. Там же. – л. 59 и об.
128. Государственные преступления в России в 19 в. – с. 130.
129. ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2032. – л. 23.
130. Воспоминания Красноперова. – с. 79.
131. Воспоминания Элпидина. – с. 147.
132. Горовая Ф. С. и Лалин Н. А. Революционный народник Иван Красноперов // Вопросы истории. – 1966. № 8. – с. 210-211.
133. Государственные преступления в России в 19 в. – с. 130.